
КОТ-ПАЦАН.
ИСТОРИИ НА РАЙОНЕ
Юрий Верхолин

Юрий Верхолин

Кот-Пацан. Истории на районе

https://litres.ru/74820132
SelfPub; 2026

Аннотация

Кот-пацан — это цикл дерзких, смешных и очень уличных историй о коте Бароне и его компании: Куме, Кондрате и Комоде. Они живут по законам двора, где уважают тех, кто умеет говорить, делать и красиво выходить из неприятностей.

Барон мечтает о славе, прямых эфирах и празднике, который запомнит весь район. Его друзья больше думают о еде, порядке и том, чтобы вовремя унести ноги. Но впереди не только ночные вылазки, чужая добыча и погони: Вьюга открывает бургерную, Барон связывается с криминальными авторитетами и даже оказывается на телевизионном танцевальном конкурсе.

Район становится сценой, где коты чувствуют себя хозяевами, а люди — всего лишь фоном. Но у любой дерзости есть последствия, и чем громче успех, тем ближе развязка. Это книга о дружбе, самоуверенности и о том, как трудно оставаться легендой района, когда за тобой уже смотрят.

Содержание

Часть первая. Ночной улов 4
Часть вторая. Бургерная на районе 33
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Юрий Верхолин
Кот-Пацан.
Истории на районе

Часть первая. Ночной улов

Около половины второго ночи Нижний двор почти опустел. Ночь принадлежала старому тополю, одинокому фонарю и тем немногим жильцам, которым не спалось по причинам слишком личным, чтобы рассказывать о них соседям. Под раскидистыми ветвями, у длинной лавки, где днём разбирали чужие неприятности, а ночью обычно никого не было, собралась четвёрка. Барон стоял в центре, выпрямившись так, как выпрямляются перед объективом коты, уверенные, что история уже выбрала их героями, а им осталось только не помешать выбору. Полосатый, плотный, в домашних брюках, подтянутых выше обычного ради торжественности, и в приметной тёмной куртке со светлой полосой на рукаве, он взял телефон в лапу, выбрал ракурс и только тогда нажал на экран.

Эфир он начал полушёпотом, потому что ночь требует полушёпота, и тут же заговорил в полный голос, потому что полушёпот плохо передаёт величие. Подписчиков в этот час

набралось на удивление много. Барон поприветствовал их, напомнил, что обещал устроить праздник «на днях», и завёл речь о людях, то есть котах, которые умеют не только говорить, но и делать. Чем накрывать стол, пока никто не знал. Этой подробности он не коснулся.

Кум стоял чуть в стороне, в тени тополя, большой, спокойный, с ладонями, засунутыми в карманы куртки, и по тому, как он смотрел на телефон, было видно, что он видит в нём не окно в мир, а улику. Рядом с ним Кондрат, рыжий, широкий в плечах, с обстоятельной мордой хозяина, который пришёл не за славой, а за едой, переминался с ноги на ногу и поглядывал в сторону торговой улицы. А позади всех, чуть сутулясь и почёсывая живот, топтался Комод: крупный, медлительный кот, который уже жевал что-то из собственного кармана и делал это с таким спокойным достоинством, что замечание казалось бестактностью.

— Ты уверен, что хочешь всё это снимать? — спросил Кум, покосившись на телефон.

— Я не снимаю. Я показываю. Это разные вещи, — важно поправил его Барон.

— Ты потом эту разницу объяснять будешь, — заметил Кум.

— Кому? — насторожился Барон.

— Кто догонит, тому и объяснишь, — невозмутимо ответил Кум.

Барон не нашёлся с ответом и снова направил камеру на

компанию.

— Слышь, район! Не перебивать ведущего. У нас культурная ночная программа! — объявил Барон в камеру.

Комод дожевал и со вздохом сбросил крошки на землю, Кондрат кашлянул, а Кум промолчал. Цифра в углу экрана росла. Барон повёл приятелей через двор к калитке, за которой начиналась торговая улица, ночная, пустая, расчерченная жёлтыми пятнами фонарей. Хвост у него шёл отдельно от хозяина: то стелился, то вздёргивался, то подрагивал на самом конце, как стрелка прибора, который знает больше, чем показывает.

Барон понимал, что остановить всё ещё можно, но именно поэтому продолжал идти. Остановиться значило признать, что затея с самого начала была глупой, а такое признание в эфире, перед сотнями зрителей, казалось ему страшнее любого охранника. Так он и шагал, с телефоном, с подписчиками и с друзьями, которые тоже пока никуда не свернули. Минут через двадцать четвёрка добралась до склада магазина «Угловой».

Вскоре на экране телефона вместо ночной улицы замелькали стеллажи. На складе пахло картоном, мукой и холодом. Большой холодильник мерно гудел, дежурные лампы горели вполсилы, а коробки на верхних полках терялись в полумраке. Четверо незваных гостей разошлись по проходам.

Кондрат двинулся вдоль полок неторопливо, как ходят по ярмарке, брал банку, разглядывал этикетку на свет, постуки-

вал по стеклу согнутым когтем и ставил обратно или клал в сумку с деловитым видом кота, который знает цену как соленьям, так и собственному вкусу. Комод надолго замер перед колбасами, разглядывая их с сосредоточенностью знатока, которому наконец показали главное блюдо. Кум смотрел на коробки, прикидывая, сколько придётся тащить, с выражением носильщика, которого забыли спросить, согласен ли он.

Каждую находку Барон предъявлял подписчикам. На экране сменялись полки, а его голос то понижался до заговорщицкого шёпота, то взмывал до патетических высот. В его изложении выходило, что без него никто бы тут ничего не нашёл, а нашёл бы, так не туда.

Сумки наполнялись по собственным, никому не известным законам. Кум уже пристраивал сверху что-то тяжёлое, чтобы потом не пришлось нести отдельно, когда Барон наконец заглянул в сумки. Он покачал головой и заговорил так громко, что слышно было по ту сторону стеллажей.

— Я вам объясняю, что мы берём. Не что попало! Пюрешечка должна быть, котлетка должна быть, огурчик чтобы хрустел. И коньячок. Не наливка какая-нибудь неизвестного происхождения, а коньячок, — распорядился Барон и, заметив, что Комод опять тянется к еде, возмутился: — Комод, положи обратно этот батон! Ты его сейчас съешь, а мне потом людям… котам объяснять, где культурная закуска. Кум, не гляди на меня так. Я не украшаю положение. Я меню со-

ставляю. Это совершенно разная организация мероприятия.

Последние слова отозвались под потолком. Кондрат замер с банкой в лапе, Комод медленно, с обидой положил батон обратно, а Кум закрыл глаза и тихо выдохнул. Барон уже набрал воздуху для продолжения, когда в дальнем конце прохода послышались шаги по бетону. С каждым шагом желание обсудить меню становилось всё слабее.

Из-за стеллажа появился охранник, плотный мужчина средних лет, чьё усталое лицо выдавало множество ночных смен. Луч фонаря скользнул по банкам, сумкам и колбасе, на миг задержался на светлой полосе куртки Барона и замер на мордах. Охранник прищурился и несколько секунд молча разглядывал незваных гостей.

Барон тут же навёл камеру на охранника. Подписчики увидели, кто встретил их ночную экскурсию. Барон поднял свободную лапу, будто приветствовал старого знакомого.

— Стоять! Поставили всё на место! — крикнул охранник, шагнув в проход.

Барон заверил, что сейчас всё объяснит, но охранник велел объясняться на месте.

— А зачем мне на месте, если я уже иду? — вырвалось у Барона.

Кондрат чуть присел, готовясь бежать. Комод, у которого в лапах осталась колбаса, посмотрел на неё с тоской кота, обречённого на разлуку.

Охранник шагнул к Барону, и тот попятился. Из глубины

склада донеслись тяжёлые шаги. Кто-то негромко окликнул охранника по имени, и между стеллажами показался второй луч. Барон покосился на служебную дверь. Проход к ней ещё оставался свободен.

Кондрат первым рванул к выходу, прижимая сумку к груди. Комод неожиданно проворно бросился следом, Кум подхватил две сумки и метнулся за ним. Барон крепче сжал телефон в лапе и побежал туда же.

В проходе они принялись обгонять друг друга. Сумки цеплялись одна за другую, кто-то задел стеллаж, и на пол с грохотом посыпались упаковки. Пока беглецы толкались у двери, охранники успели нагнать их.

Четвёрка выскочила через служебную дверь на тротуар. Охранники выбежали следом, крича, чтобы те остановились. Кондрат на бегу повернулся к Барону и перекрикнул обоих:

— Ты бы хоть помог! Снимает он!

Барон и правда снимал. Он бежал на задних лапах, выпрямившись, насколько позволяло дыхание, и даже теперь старался держать телефон так, чтобы попадать в кадр с выгодной стороны. Хвост метался, бил по воздуху, закручивался в вопросительный знак. Комод всего на секунду остановился за выпавшей банкой. Кондрат налетел на него, споткнулся и прошипел что-то непечатное. Кум подобрал на бегу часть выпавших продуктов и сунул обратно в сумку. От Барона вместо благодарности он услышал только: «Шевелись!»

На перекрёстке Барон свернул куда ноги несли. Осталь-

ные, не думая, бросились за ним. Дальше был поворот, потом ещё один, мимо пролетели знакомые фасады, остановка, фонарь, дерево. Барон ещё узнавал улицу, хотя теперь смотрел только, где бы укрыться.

Не сбавляя бега, Барон глянул на экран. Цифра зрителей, в начале ночи едва перевалившая за несколько сотен, выросла втрое, потом вчетверо и продолжала расти на глазах, как тесто в тёплом месте. В чате мелькали огоньки и восклицательные знаки, а между ними — «молодцы!!!», набранное так яростно, что клавиши, казалось, прогнулись. На мгновение он даже забыл про охранников. Он снова поднял телефон повыше.

— Район, спокойно! Всё идёт… нормально идёт! Это не погоня, это мы в движении. Кум, ты мне сумкой по спине не стучи! Кондрат, огурцы держи, они у меня в культурной программе! Люди сзади кричат, ну и пусть кричат, у них работа такая. Подписчики, видели? Мы ушли красиво. Комод, ты зачем остановился?! Я сказал: красиво, а не медленно!

Монолог Барон закончил на очередном повороте, тяжело дыша. Вскоре окрики за спиной стали тише и совсем стихли. Четвёрка сбавила шаг лишь в тёмном проходе между домами. На записи остались его приметная куртка, силуэты друзей и мелькание фонарей. Охранники потеряли их из виду, и Барон был уверен, что победил. По сети уже расходились первые обрывки эфира.

Гаражный ряд встретил их тусклым светом и запахом сы-

рого железа. Семнадцатый, с облупленными воротами и ржавыми петлями, принадлежал Кондрату. Прежде чем отпереть, он огляделся, как хозяин, возвращающийся домой с гостями, которых не приглашал. Лишь убедившись, что поблизости никого нет, повернул ключ.

Внутри пахло маслом, пылью и старым деревом. Приятели свалили сумки на стол и несколько минут переводили дух. Потом Кондрат включил лампу, и в её жёлтом свете пересчитали всё, что донесли: сетку картофеля, две палки колбасы, деликатесы, пару банок солений, консервы, полуфабрикаты и несколько банок напитков. Кое-что вывалилось по дороге, но и оставшегося хватало на хорошее застолье. Всё скоропортящееся Кондрат убрал в маленький холодильник у стены.

Кондрат протёр одну полку и расставил банки с добычей так, чтобы они не бросались в глаза. На этом он пока и остановился. Гараж он давно запустил и уже представлял, что скажут соседи, если Барон и впрямь приведёт сюда гостей. Сам Барон посреди гаража всё ещё рассказывал подписчикам, как удачно сходили за продуктами. О том, что потеряли по дороге, он ни словом не упомянул.

— Ну и что дальше? — спросил Кум.

Комод, не дожидаясь ответа, потянулся к колбасе, и Кондрат шлёпнул его по лапе. Барон будто и не слышал Кума. Разглядывая прибавившихся зрителей, он пообещал, что теперь праздник будет уже этим вечером и что угощать станут

тем, что добыли ночью. Ещё минут десять он проговорил в телефон и выключил эфир, только когда экран начал жечь лапу. В тишине слышно было, как гудит холодильник.

— Хватит на всех, — сказал Барон, опуская телефон. Кум покосился на сумки: на всех, пожалуй, хватило бы, если бы ничего не растеряли по дороге. Барон отмахнулся, и спорить с ним не стали.

Уставшие после погони, они решили утром договориться о подготовке к празднику, а пока разойтись. Из гаража выходили по одному, неторопливо, будто за ними этой ночью никто не гнался.

Барон шёл домой последним, неся в лапе телефон с погасшим экраном и думая о цифрах, об аплодисментах и о том, как утром проснётся знаменитым. Как раз о камерах над входом в склад он и не подумал.

Барон проснулся поздно, когда спальню уже залило густым субботним светом, а телефон на тумбочке дрожал от уведомлений. Он лежал под одеялом в мятых брюках, не помня толком, как добрался до кровати, и первым делом, ещё не открыв глаз, нащупал экран. Один зритель сообщал, что не спал всю ночь и рыдал от восторга. Другой осторожно интересовался, не увидела ли всё это охрана. Третий выложил отрывок, где Комод посреди погони нагибается за банкой, и под ним уже стояло три тысячи сердечек. Барон читал только цифры. Всё остальное казалось ему шумом, сопровождающим главное, как оркестр сопровождает солиста.

На кухне загремела посуда. По спокойным, основательным звукам Барон понял, что Кум пришёл раньше, чем его позвали. Обычно это означало неприятный разговор. Он выбрался из-под одеяла, натянул куртку поверх майки и вышел на кухню, где Кум сидел за столом перед пустой чашкой.

— Зачем ты вообще это ночью снимал? — спросил Кум.

Барон отмахнулся и поставил чайник. Левое ухо у него подрагивало. Кум немного посмотрел на это ухо, потом положил лапу на стол.

— Ты ночью в эфире обещал вечеринку на сегодня. И как собираешься всё успеть?

Барон повернулся к Куму: глаза его сперва раскрылись, затем сощурились, и по морде медленно разлилась улыбка. В голове у него всё сложилось разом: продукты есть, подписчики ждут праздника, а у Кондрата имеется гараж. Осталось договориться с хозяином.

— До пьянки сколько осталось, спрашиваешь? До пьянки — сегодня! Вот сегодня и осталось, — объявил Барон, уже расхаживая по комнате. — У меня продукты лежат, подписчики ждут, Кондрат гараж имеет, Кум сидит с лицом, будто я ему налоговую задолжал. Пюрешечка будет, котлетка будет, огурчик солёненький. И коньячок. И не надо мне говорить, откуда продукты. Оттуда, откуда мы ночью пришли. Я происхождение еды в эфире обсуждать не собираюсь. Я праздник организую.

С каждым словом Барон распалялся всё сильнее, словно

собирался уже сейчас садиться во главе стола. Кум выслушал его до конца. Морда у него осталась невозмутимой, только в уголках глаз читалась усталость. Он взял чашку со стола, налил себе воды и выпил залпом.

К полудню во дворе собрались все четверо. Кондрат пришёл с видом хозяина, чьё имущество находится под угрозой. Комод, судя по лицу, ещё не проснулся окончательно. Он опустился на лавку, и она тихо вздохнула. Кум стоял поодаль, скрестив лапы. Барон расправил плечи и объявил, что вечер пройдёт в семнадцатом гараже, словно все только и ждали, когда он наконец это скажет.

Кондрат возмутился первым. В гараже, пояснил он, хранятся инструменты, и делать из него проходной двор для всех, кто видел ролик, он не собирается. Кондрат ещё загибал пальцы, когда Барон вставил, что весь район запомнит этот вечер и что всё это, между прочим, произойдёт под крышей Кондрата. Гараж попадёт в кадр. Хозяин, само собой, тоже.

Рыжий кот замолчал. Морда у него стала задумчивая, как у покупателя, который давно приглядел вещь в витрине и теперь наконец спрашивает цену. Комод поинтересовался, нельзя ли перекусить уже сейчас. Ему никто не ответил.

Когда разговор дошёл до подготовки, Барон заверил приятелей, что всё организует. Кум тут же поинтересовался, кто принесёт дополнительные стулья.

— Ты. Я же сказал: организую, — ответил Барон, искрен-

не не видя в этом никакого противоречия.

— Хоть один сам принеси, — сказал Кум после паузы. — Я тебе весь день в эфире декорацией стоять не буду.

Барон закатил глаза так, чтобы это увидели даже воображаемые зрители у него за спиной.

Они спорили ещё минут десять, перебивая друг друга и без особого успеха пытаясь договориться, кто что принесёт и кто за что возьмётся. В конце концов Кондрат согласился открыть гараж на один вечер, но при условии, что разливать будет он. Сказал он это коротко, без права обжалования. Барон поморщился, однако торговаться было не о чем.

Только тогда он достал телефон и записал приглашение. Барон пообещал достойное угощение и культурное застолье в гаражах, а точный адрес — первым пятидесяти откликнувшимся в личных сообщениях. При этом он успел сказать «приходите все» и выложить ролик, прежде чем подумал, сколько народу может понять эти слова буквально.

В это же время в здании с серыми стенами и неоновой табличкой над дверью представитель «Углового», аккуратный мужчина лет сорока с папкой под мышкой, стоял у стойки дежурной части. Он говорил ровно, будто перечислял товар по накладной. Ночью на склад забрались посторонние. Охрана попыталась их остановить, но они скрылись с товаром. Ущерб ещё подсчитывали, хотя уже было ясно, что сумма наберётся значительная. Дежурный принял заявление, и сотрудник, которого он позвал, пригласил мужчину к столу.

Самое странное заявитель оставил напоследок. По словам охранников, их было четверо: три кота и пёс, все ходили на задних лапах. Один из котов держал телефон и почти без умолку говорил в него. Сотрудник записал приметы и попросил показать записи с камер. Представитель магазина достал из папки накопитель.

На соседнем компьютере открылась запись со склада. Сначала пустой проход между стеллажами, потом четыре фигуры. Кот в тёмной куртке со светлой полосой на рукаве держал в одной лапе телефон, другой оживлённо жестикулировал. Сотрудник придвинул кресло поближе.

— Он снимал? — спросил сотрудник. Охранник, пришедший подтвердить показания, сказал, что кот разговаривал в телефон даже на бегу.

Сотрудник откинулся на спинку кресла. Кот на экране всё ещё жестикулировал, держа телефон перед собой. Если это был эфир, наверняка кто-нибудь успел сохранить запись. Сотрудник вынул карандаш из-за уха и записал, что искать.

Пока в отделении изучали записи, Кондрат приводил гараж в порядок. Помещение было запущено, и он опасался, что гости заметят грязь и беспорядок, а это скажется на его репутации. Найдя старую, пропитанную пылью тряпку, Кондрат подошёл к рукомойнику, намочил её и принялся протирать полки. Закончив уборку, он вернулся к рукомойнику, сполоснул в нём грязную тряпку, выжал и оставил сушиться на краю. В раковину стекала мутная вода с пылью.

В этот момент в гараж вошёл Барон. Ворота стояли распахнутыми, на створке виднелась облупленная табличка «17». Заметив грязную тряпку на краю рукомойника и мутную воду в раковине, Барон возмущённо посмотрел на Кондрата и включил камеру телефона.

Кондрат попытался объяснить, что всего лишь хотел помочь с уборкой, но Барон уже указывал лапой на грязный рукомойник. Кум и Комод молча наблюдали за ссорой.

— Помог. Теперь рукомойник отмой, — распорядился Барон.

Кондрат вздохнул и открыл кран. Пока он смывал грязь, Барон снимал происходящее, не замечая, что вместе с рукомойником в кадр попали распахнутые ворота с номером «17». Закончив съёмку, он сразу выложил запись подписчикам. Кондрат же, отмыв раковину, решил больше не позволять Барону хозяйничать в его гараже.

К трём часам дня подготовка к вечеринке продолжалась. Комод устроился возле пакетов с продуктами и время от времени доставал что-нибудь съестное, надкусывал и возвращал обратно, уверяя, что проверяет качество. Заметив это, Барон направил на него телефон.

— Жалкое подобие человека. Спит и жрёт! — возмутился он.

Комод неторопливо поднялся с лавки и выпрямился во весь рост, оказавшись на голову выше Барона. Глядя на него сверху вниз, он спокойно поинтересовался, почему ведуще-

му можно есть, а ему нельзя. Барон невольно отступил, но тут же сделал вид, что просто поправляет кадр.

— Я здесь работаю, между прочим, а ты только жрёшь! — возразил Барон.

— А ночью продукты кто таскал? Ты со своим телефоном бегал, а я колбасу спасал, — напомнил Комод.

Кондрат и Кум поддержали приятеля. Оставшись без союзников, Барон не стал продолжать спор и уступил Комоду лучшее место за столом. Тот вернулся к еде, а Барон пообещал вечером показать подписчикам, кто здесь настоящий авторитет.

Во второй половине дня в отделении сопоставляли две записи. На левом мониторе шло видео из «Углового», на правом — найденный в сети обрывок ночного эфира. Один из сотрудников останавливал оба видео на отдельных кадрах. Морды были те же, и полоса на рукаве та же. Даже лапой кот с телефоном размахивал одинаково. У записи справа был ещё и звук.

Наружные камеры показали остальное: четыре фигуры свернули с торговой улицы и пошли в сторону гаражного района. На этом след обрывался. По кадрам можно было понять, где искать, но нужного ряда, а тем более ворот, было не разглядеть. Полицейским требовался более точный ориентир.

Он нашёлся там, где его никто не искал. Сотрудник, листавший страницу блога, наткнулся на сегодняшнюю публи-

кацию: тот же кот сообщал, что вечером состоится застолье, приглашал всех и, судя по восторженному тону, был уверен, что ему никто не помешает. Место встречи Барон публично не назвал. Вместо этого предложил желающим написать ему в личные сообщения, пообещав сообщить адрес первым пятидесяти откликнувшимся.

Один из сотрудников заметил, что минувшей ночью кот сам показывал погоню от охраны, а теперь столь же охотно объявляет о вечеринке. Второй согласился: оставалось только выяснить, где именно она намечена.

Пока в отделении уточняли адрес, группу направили в гаражный район. Она должна была проверить ряды боксов и ждать точного ориентира из командного центра.

К шести вечера подготовка закончилась. Недостающие продукты и напитки докупили днём. На столе стояли банки с огурцами, тарелки с нарезкой и запечённой в духовке картошкой, рядом — бутылки с напитками. Над воротами висела гирлянда, в углу гудел холодильник, колонки ждали музыки.

Первыми в гараж без стука нагрянули сразу двадцать гостей — соседские коты, кошки и несколько псов. Среди них были молодой кот в клетчатой рубашке и два пса, которых Барон помнил смутно, зато те его — отчётливо. Компания быстро заняла места за столом. Барон поперхнулся воздухом.

— Я никого из них не приглашал! — растерянно пожало-

вался он Куму.

Кум напомнил о его собственном обращении к подписчикам: ведь он сам велел всем приходить.

— Я образно сказал, — возразил Барон.

— Они буквально пришли, — заметил Кум, и продолжать спор стало бессмысленно.

Барон быстро освоился и принялся развлекать собравшихся своими фирменными шутками. В гараже становилось душно, поэтому Кондрат распахнул боковую дверь, выходившую в проход между соседними гаражами.

Около половины седьмого вместе со следующими гостями появилась Вьюга. Белая, стройная, в лёгкой куртке и шарфе, она вошла неторопливо, чуть покачивая бёдрами. Её густой пушистый хвост стоял почти вертикально. Вьюга держалась уверенно и явно не собиралась спрашивать, рады ли ей здесь.

У Барона на мгновение перехватило дыхание, и все приготовленные слова куда-то исчезли. Он застыл с телефоном в лапе, не сводя с Вьюги глаз, потом опомнился и помахал ей телефоном.

— Сядь рядом, — предложил Барон. — Для кадра.

— Я пришла поесть, а не подтверждать твою славу, — ответила она.

— Я тебя вообще-то ещё не приглашал, — сказал Барон, опуская лапу.

— Так и не начинай, — отрезала Вьюга.

Она прошла мимо, взяла тарелку и села на другом конце

стола. Барон проводил её взглядом и громко кашлянул. Музыка уже играла, гости продолжали подходить, а Барон всё ещё называл вечер «закрытой культурной программой».

К восьми часам гараж № 17 гудел от разговоров. На столе под гирляндой, словно на витрине, красовались блюда с разнообразными закусками. Из колонок доносилась негромкая ритмичная музыка. Гости угощались, шутили и оживлённо переговаривались.

Барон запустил вечерний прямой эфир. Выдержал паузу, прищурился и положил свободную лапу на отворот куртки. Пока он представлял подписчикам застолье, Кондрат разливал напитки. Трансляция продолжалась без перерывов.

К тому времени гости уже заняли почти все места. Пока Барон выбирал ракурс, свободным остался лишь дальний стул. Основные блюда стояли возле Кондрата и Комода, а перед ведущим оказались одни соленья.

Барон поднялся, постучал рюмкой по тарелке и дождался, пока за столом немного стихнет.

— Сразу предупреждаю: это не проходной двор. Хотя гараж проходной, но не в том смысле! — начал Барон, обводя гостей взглядом. — Кто пришёл есть — ест. Кто пришёл уважать — уважает. Кто пришёл рассказывать, как раньше было, — тому стул дальше от моего телефона. Я всем говорю: здесь главное место там, где я сижу. А где вы сидите — вы уже разбирайтесь между собой, мне не до этого. У меня эфир. Я ради вас культурную программу веду, а вы мне за-

куску загородили!

Гости добродушно рассмеялись, кто-то захлопал, кто-то поднял рюмку. Комод кивнул, не переставая жевать. Барон сел обратно.

Внимание гостей неожиданно перехватил Кондрат. Разговор зашёл о картошке, и рыжий с видом знатока принялся объяснять, сколько труда требует хороший урожай. Землю нужно подготовить, вовремя посадить, поливать, ухаживать за грядками, а потом ещё суметь всё собрать. По его убеждению, картошка заслуживала не меньшего уважения, чем любое другое угощение на столе.

— Ты-то откуда знаешь? — перебил его Барон. — Я тебя ни разу на огороде не видел!

Кондрат даже не смутился. Он напомнил, что ещё котёнком помогал поливать грядки и прекрасно помнит, сколько сил уходило на выращивание урожая. Барон попытался возразить, но Кондрат продолжал с такой уверенностью, что гости заслушались, а вскоре уже смеялись над его воспоминаниями. Даже подписчики в прямом эфире начали просить показать рыжего поближе. Барон всё больше раздражался: он устроил праздник, подготовил культурную программу, а внимание досталось Кондрату с его картошкой.

Тем временем Кум насторожился. Со стороны распахнутых ворот донёсся слабый шорох. Пёс повернул голову, принюхался и замер, прислушиваясь. Барон, всё ещё раздражённый вниманием гостей к рассказам Кондрата, ничего не за-

метил.

— Кум, ты только посмотри! Я тут для них стараюсь, а они сидят и слушают, как Кондрат в детстве грядки поливал!

Кум не ответил. Он продолжал настороженно смотреть в сторону открытых ворот.

В отделении два сотрудника продолжали сопоставлять записи с вечерним прямым эфиром Барона. В дневном ролике, где Кондрат отмывал рукомойник, в углу кадра отчётливо виднелась табличка «17» на створке распахнутых ворот. Вечерняя трансляция подтверждала, что застолье проходит в том же гараже: знакомые стены, накрытый стол и гости.

Отряд захвата к тому времени уже прочёсывал гаражный район и ожидал точного адреса. Сотрудники в отделении ещё раз сверили кадры и передали командиру номер семнадцатого гаража.

Получив ориентир, группа направилась к нужному боксу. Прежде чем входить, предстояло убедиться, что все разыскиваемые находятся внутри.

За праздничным столом Кондрат успевал подлить напитки, подать угощение и занять гостей разговором. Стоило Барону собраться с очередной речью, как внимание снова переключалось на хозяина гаража.

Барон терпел, терпел и наконец спросил, с какой стати Кондрат распоряжается за столом.

— Я разливаю, — ответил Кондрат. Барон сказал, что и сам справится, и Кондрат предложил ему взяться за дело.

— Я не для этого знаменитый, — заявил Барон с такой гордостью, что стол рассмеялся.

Затем слово взял Комод. Он вспомнил давний случай на верхних гаражах и так удачно его рассказал, что гости расхохотались. Барон направил на него камеру, а в комментариях замелькало: «Комод! Комод!»

К десяти вечера гости снова заговорили о ночной вылазке. За столом то и дело раздавался смех, а подписчики в прямом эфире просили показать Кондрата, Комода и Кума. Барон переводил на них камеру, всё сильнее раздражаясь: на собственном празднике он оказался в тени приятелей. Наконец он решил вернуть внимание шутками.

— Комод у нас вообще не убегал, — объявил Барон, направляя на него телефон. — Он с колбасой расставался! Мы от охраны спасаемся, а он думает, какую банку ещё прихватить!

Комод невозмутимо заметил, что, в отличие от некоторых, хотя бы старался сохранить продукты. Кондрат добавил, что сам едва не растянулся из-за той банки. Гости рассмеялись, и Барон тут же повернул камеру к Куму.

— А Кум у нас вообще отдельная история! Всю дорогу с таким видом сумки тащил, будто его на разгрузку вагонов отправили. Ни улыбки, ни радости! Мы, можно сказать, историческое событие переживали, а он всё о тяжестях думал!

— А кто сумки тащил, пока ты снимал? — спокойно спросил Кум.

— Я вообще-то за весь эфир отвечал! — возразил Барон. — Благодаря мне теперь весь район знает, как мы красиво ушли!

— Теперь точно знает, — заметил Кум. — И охрана тоже.

Гости снова рассмеялись. Барон, приняв смех за одобрение, продолжил поддевать приятелей, не замечая, что Кум отвернулся и больше не поддерживал его шуток.

Снаружи гаражного ряда в темноте остановилась машина. Несколько полицейских вышли и укрылись у соседних боксов. Из открытых ворот семнадцатого гаража доносились музыка и смех.

Оставаясь незамеченными, сотрудники наблюдали за входом и сверялись с прямым эфиром Барона. Теперь они убедились: вся четвёрка — Барон, Кондрат, Комод и Кум — находилась внутри. Из-за множества посторонних командир не торопился отдавать приказ на задержание.

В одиннадцатом часу Барон поднялся из-за стола. Он уже слегка захмелел и был зол, а слова для тоста казались ему на редкость удачными. Чтобы привлечь внимание гостей, Барон стукнул рюмкой по тарелке, да так сильно, что стекло разлетелось на осколки. За столом раздался смех. Барон невозмутимо взял другую рюмку, дождался тишины, обвёл взглядом гостей, задержался на Кондрате, Комоде и Куме и поднял её до уровня груди.

— За наш район, значит. За тех, кто умеет принести, а не только рот открыть, — начал Барон, слегка растягивая сло-

ва. Выпитое уже давало о себе знать, и он с пьяной самоуверенностью наслаждался тем, что его наконец слушают. — За Кондрата, который чужим праздником уже три раза распорядился, хотя я ему не то что руководство — табуретку не обещал. За Комода, который две тарелки съел и теперь делает вид, что сюда пришёл чисто духовно. И за Кума. Он у нас хороший: таскает всё молча, потому что если рот откроет, работать будет некому. Ну, давайте. И чтоб потом никто не рассказывал, будто праздник был не мой. Мой. Полностью мой.

Гараж ответил хохотом. Кондрат откинулся на стуле, Комод фыркнул в усы, гости стукнулись рюмками. Кто-то свистнул, кто-то захлопал.

Кум не засмеялся. Он ещё немного посидел, глядя в стакан, потом тихо поставил его на стол и пошёл к боковой двери. Вьюга проводила его взглядом.

— Ты перепутал зрителей и друзей, — негромко сказала Вьюга.

Она так и осталась сидеть за столом. Барон отчётливо услышал каждое слово и ответил что-то язвительное, но взгляд его уже искал Кума, и язвительность вышла блёклой. В груди неприятно шевельнулось что-то, чему он не знал названия. Он было шагнул следом за приятелем и остановился.

Кум уже дошёл до распахнутой боковой двери, когда у главного входа появились люди в тёмной форме. Они вышли из темноты и шагнули в гараж через открытые ворота. На

груди у первого виднелась рация, второй остался у входа, оглядывая собравшихся. Музыка ещё играла, но гости начали оборачиваться и замолкать.

— Полиция! Всем оставаться на местах! — громко приказал один из вошедших.

Кондрат замер с бутылкой в лапе, Комод перестал жевать, а Барон, всё ещё державший рюмку, посмотрел на полицейских так, словно они явились без приглашения на его собственный юбилей.

— У нас тут всего лишь культурный вечер, — начал Барон. Полицейский перебил его: им нужны участники ночной кражи.

Барон машинально взглянул на телефон. Прямой эфир шёл, и подписчики слышали каждое слово. Ещё несколько минут назад он стоял перед всем гаражом с рюмкой и знал, что сказать. Теперь у него не находилось ни одного убедительного объяснения.

— А вы без записи можете? — неожиданно спросил он и тут же сообразил, что сам ведёт трансляцию.

Ответить ему не успели. Молодой кот в клетчатой рубашке, сидевший неподалёку от ворот, вскочил и опрокинул стул. Тот с грохотом ударился о бетон. Кто-то испуганно вскрикнул, пёс у стола залаял. Гости разом повскакивали с мест.

Ближайшие к воротам рванули туда. Те, кому загородили дорогу, кинулись к боковому выходу. Между стульями и

столом плечи упирались в спины, задние напирали, а передние ещё не успели выбраться. Полицейские требовали остановиться, но за лаем и грохотом их уже никто не слышал.

Кто-то налетел на стол. Тарелки с недоеденным угощением посыпались на пол, по бетону покатились банки, одна за другой упали бутылки. Раздался звон стекла. Кто-то поскользнулся в луже, ухватился за спинку стула и повалил его вместе с собой.

У ворот второй полицейский попытался сдержать толпу, но его оттеснили к створке. Через боковую дверь гости один за другим выскакивали в проход между гаражами.

Кондрат возмущённо крикнул, увидев, что стало с его гаражом, но очередной толчок едва не сбил его с ног. Он отступил и сам бросился к выходу. Комод протиснулся между двумя гостями, даже не взглянув на оставленное угощение. Барон успел увидеть Кума у боковой двери, прежде чем того заслонила толпа.

Барон поставил рюмку на край стола. Тут его толкнули плечом, и он чуть не выронил телефон. Прижав его к груди, он обошёл упавший стул и двинулся вдоль стены к воротам. Кто-то выскользнул мимо оттеснённого полицейского. В образовавшийся просвет Барон метнулся следом. В кадре камеры телефона на миг мелькнула створка ворот.

За считаные минуты гараж почти опустел. Под гирляндой остались осколки, недоеденное угощение и брошенные в спешке вещи, а музыка из колонок играла так же весело,

словно ничего не случилось.

Снаружи Кондрат метнулся направо, Комод налево. Полиция бросилась следом за беглецами, а те уже смешались с гостями. Барон нырнул в гаражный проход, всё ещё сжимая телефон.

Сначала Барон бежал на задних лапах, по привычке стараясь держаться прямо. С каждым шагом это давалось труднее. Дыхание сбивалось, куртка липла к спине, а брюки неумолимо сползали всё ниже. Барон несколько раз пытался подтянуть их свободной лапой, но безуспешно. Наконец брюки окончательно соскользнули с задних лап и остались лежать посреди прохода. Барон даже не оглянулся. Теперь он мчался в одной куртке, во всём остальном — в чём природа наградила. Позади тяжело стучали шаги преследователей.

Совсем близко крикнули: «Стоять!»

Барон пригнулся и сунул телефон в нагрудный карман куртки. По случайности камера осталась снаружи. Передние лапы коснулись земли, шерсть на загривке встала дыбом, уши прижались, хвост вытянулся струной. Барон впервые за всю эту долгую субботу понёсся на четырёх лапах, низко, стремительно, без раздумий. Телефон трясся в кармане. В кадре мелькали асфальт, ржавые стены, чьи-то ноги.

Барон перемахнул через бочку с дождевой водой, обогнул ящики и, помня, что эфир продолжается, закричал на бегу, чтобы подписчики его услышали. Дыхание сбивалось на каждом слове.

— Подписчики! Слышь, район! У нас всё нормально! Всё под… под контролем! — выдохнул Барон.

За спиной пронзительно кричали разбегающиеся кошки-гостьи. Где-то взахлёб лаяли бегущие псы.

— Не слушайте, что там сзади орут! Это у них культурная часть мероприятия! Кум, ты где?! Не мешайте мне эфир вести! — продолжал орать Барон.

Позади что-то загремело. Барон взвизгнул и прибавил ходу.

— Я вас предупреждал: настоящий праздник — он с движением. Тут люди в форме подключились, им тоже, видимо, понравилось.

— Стой! — донёсся сзади голос полицейского.

— Что значит «стой»? Я и так несуся! Это не побег, это спортивное окончание программы! Я на четырёх потому, что… потому что так быстрее по-человечески! — отозвался Барон, захлёбываясь воздухом.

На слове «по-человечески» он чуть не сбился с шага. Попробовал объявить «успешное окончание культурной программы», но хватило воздуха только на новое обращение к зрителям.

— Подписчики, не расходиться! Главное, коньячок-то кто унёс?!

В повороте он едва не врезался в угол гаража и вылетел в соседний проход. Здесь стало тише. Тяжёлые шаги слышались всё дальше, и вскоре за ним уже никто не бегал. Барон

всё-таки не остановился до самого двора.

Вот и тополь, и лавка, и фонарь, и крыльцо. Всё, на что Барон прежде не глядел по дороге домой, теперь показалось необыкновенно уютным. Он сбавил шаг, не сразу сумел подняться на задние лапы и привалился спиной к стволу. Постоял, переводя дух. Потом дрожащей лапой вынул телефон из кармана и переключил камеру на себя.

Издали донёсся ещё один крик, потом затих и лай. Прошлой ночью Барон стоял под этим же тополем и выбирал ракурс. Сейчас ему хватало того, что можно стоять.

Комментарии летели так быстро, что Барон не успевал их читать. Число зрителей уже ничего ему не говорило. Кто-то вырезал из эфира тот самый момент, когда камера дёрнулась к асфальту, а Барон выкрикнул, что на четырёх лапах быстрее «по-человечески». Отрывок уже разошёлся, а под ним белела подпись: «испугался». Телефон в лапе задрожал сильнее.

— Я не испугался! Я скорость показывал! — объявил Барон телефону, словно подписчики могли поверить ему на слово.

Из-за угла донёсся знакомый голос Кума, спокойный и низкий:

— Барон, телефон выключи!

— Кто сказал выключи?! У меня, между прочим, аудитория! — возмутился Барон, даже не взглянув в сторону голоса.

На экране телефона всё ещё горел красный значок прямого эфира. Барон наконец посмотрел на себя в кадре: глаза вытаращены, шерсть торчит во все стороны, рот приоткрыт. Несколько секунд он смотрел на собственное лицо и впервые за этот безумный день не находил слов.

Эфир оборвался.

Часть вторая. Бургерная на районе

Гриль-бар Боцмана в вечерние часы походил на хорошо налаженную машину, о которой посторонний не сразу догадывается, что она машина: так плавно, так без нажима в ней двигалось всё. За длинными столами из тёмного дерева сидели компании, и каждая жила своей жизнью, но жизнью, подчинённой общему ритму, как подчиняются ритму мелодии разные инструменты. Над раскалённой решёткой в глубине зала поднимался душистый дым, сосиски лопались на огне с коротким сытым треском, на стейках проступала та тёмная, золотистая корочка, ради которой люди, то есть коты и псы, готовы терпеть очередь и платить без торга. Официанты проносили над головами подносы с кружками, на которых оседала холодная испарина, и негромкая музыка, не мешавшая разговору и не дававшая ему умереть, лилась откуда-то из-под потолка, где висели старые лампы в тканевых абажурах. Одни гости уходили, натягивая куртки и обмениваясь с хозяином прощальными кивками, другие занимали освободившиеся места, и ни разу не случилось, чтобы стол простоял пустым дольше минуты.

Боцман, крупный бульдог с тяжёлой, невозмутимой мордой и широкими, как дверь, плечами, проходил через зал неторопливо, приветствуя постоянных гостей лёгким поворотом головы. Одного он спрашивал о здоровье матери, дру-

гому напоминал, что вчерашний долг по счёту можно закрыть и завтра, третьему просто кивал, зная, что слов тому не нужно. В этом проходе не было ни тени той показной хозяйственности, которой щеголяют новички; он ходил по собственному залу так, как ходят по собственному дому, и зал отвечал ему доверием, которое нельзя купить.

Компания Барона занимала стол у окна. Перед Комодом дымился стейк с картошкой, и Комод ел его с тем благоговением, какое в других обстоятельствах проявляют к произведениям искусства, не давая отвлечь себя ни разговором, ни паузой. Кондрат методично разделывал сосиску, размахивая вилкой для убедительности, Кум спокойно пил пиво, глядя поверх кружки на зал, а Барон, откинувшись на спинку стула и расстегнув куртку, с телефоном на коротком ремешке, висевшем на груди, как медаль за заслуги, которых никто, кроме него, не помнил, делал вид, что вечер не имеет к нему никакого отношения. Вьюга сидела напротив, и белая шерсть её казалась в мягком свете ламп почти золотой. Она тоже пила пиво вместе со всеми: перед ней стояла кружка, и по тому, как она держала её обеими ладонями, было видно, что разговор, который она собирается начать, отрепетирован.

— Вы взрослые, — сказала Вьюга, не повышая голоса и без всякого предисловия, так, словно продолжала мысль, начатую давно. — Ночью магазин обнесли, утром весь район смотрел, как вы от полиции убегали, и на этом самом бегу один из вас вёл прямой эфир. Я хочу спросить: вам самим

не стыдно, или вы уже настолько привыкли, что считаете это нормальной жизнью? Может, пора заняться делом, которое даёт работу и постоянный доход, и при этом не заставляет прятаться от людей в форме?

Говорила она ровно, без нажима, не перечисляя прегрешений по пунктам и не требуя раскаяния, а просто выкладывая факты, как выкладывают карты на стол: вот так, а не иначе, и никто не может сказать, что это неправда. Барон шевельнулся на стуле. Левое ухо его задёргалось, и он, чтобы скрыть это, поднял кружку и сделал вид, что внимательно изучает пену.

— Слышь, не начинай, — сказал он наконец тем тоном, каким отмахиваются от слишком близкой правды. — Это уже история. Её весь район помнит, а историю нельзя взять и отменить, её можно только рассказывать по-разному. Я вот считаю, что мы себя показали с хорошей стороны: слаженно, с огоньком, с подписчиками. А что касается полиции, то это, если честно, дело вкуса: кому-то нравятся люди в форме, кому-то нет.

— И очень популярная история, — спокойно заметил Кум, не отрывая взгляда от зала. — Особенно та её часть, где ты на четырёх лапах несёшься по гаражному проходу и кричишь про коньячок.

— Ты тоже там бегал! — возразил Барон.

— Бегал, — согласился Кум. — Только меня, в отличие от тебя, не все подписчики узнали. Мне сегодня в магазине

продавщица сказала: «А вы, случайно, не тот пёс, что там молчал?» Я ответил, что нет, случайно не тот.

Комод, не прекращая жевать, одобрительно хмыкнул, а Кондрат прыснул в кулак. Барон открыл рот, чтобы ответить, но обнаружил, что ответа у него нет, а есть только горячее, обиженное ощущение, что его предали самые близкие. Он обвёл стол оскорблённым взглядом, остановился на Вьюге, проверил, не улыбается ли и она, и, не найдя улыбки, отвернулся к залу. Он сделал это затем, чтобы не встречаться глазами с тем, что она сказала, и именно эта отвёрнутость дала ему то, чего он не получил бы, глядя ей в лицо.

Он смотрел на зал и не видел его так, как видел прежде, как место, где вкусно, шумно и можно показаться. Теперь он видел его иначе, как видят механизм, внезапно заметив пружину. Вот официант принёс поднос к столу у стены; вот компания расплатилась и ушла, а на её месте, без паузы, сели новые, и официант, даже не сменив выражения лица, поставил перед ними новые кружки; вот Боцман, проходя мимо кассы, на миг задержал на ней взгляд, и по этому взгляду, спокойному и сытому, было ясно: касса работает. Одни пришли, другие ушли, третьи вернулись и заказали снова, и каждый раз что-то из чужих лап переходило в лапы хозяина, тихо, незаметно, без громких слов и тем более без стримов.

— Слышь, а Боцман-то сколько за вечер зарабатывает? — сказал он вдруг, и голос его, секунду назад хмурый, наполнился тем азартом, который у него обычно предшествовал

либо большой удаче, либо большой беде. — Нет, вы подумайте: одни пришли, другие ушли, третьи опять заказали, и всё это по кругу, каждый вечер, без перерыва, а он только ходит по залу и кивает. Я его не осуждаю, я его уважаю, но я смотрю на него и думаю: чем мы хуже?

— В том, что у нас нет заведения, — отозвалась Вьюга.

— Так откроем!

Он выпалил это с такой уверенностью, будто закусочные продавались в магазинах рядом с огурцами, и стол замер. Кондрат отложил вилку. Комод на секунду перестал жевать, что само по себе было событием. Кум медленно повернул голову, и на его морде проступило то выражение, с каким люди слушают заявление, которое в любую минуту может оказаться правдой.

Вьюга не засмеялась. Она поставила кружку на стол, выпрямилась и посмотрела на Барона внимательным, очень спокойным взглядом, в котором не было ни насмешки, ни восторга, одна работающая мысль. Она слышала подобные заявления от него и раньше и знала, что обычно за ними не следует ничего, кроме эфира и шума. Но в этот раз что-то отличалось: в голосе Барона не было привычной надутости, он говорил так, будто в самом деле впервые увидел нечто, чего не видел раньше, а такой взгляд, как знала Вьюга, ценнее любого плана.

— Только не копию этого бара, — сказала она наконец. — Боцман делает своё дело хорошо, а повторять чужое хуже,

чем не делать ничего. Если открывать, то другое: бургерную. Быстрое обслуживание, бургеры с настоящей котлетой, картошка фри, напитки без алкоголя, небольшое помещение и возможность взять еду с собой. Не посиделки по вечерам, а нормальный быстрый обед, на который можно забежать в середине дня. У меня давно лежат деньги, которые я собиралась вложить в дело, и этого хватит на начало.

— Всё! Открываем! — выдохнул Барон, и ухо его перестало дёргаться.

— Сначала посчитаем, Барон, — остановила его Вьюга. — Деньги, о которых я говорю, не бесконечные и не твои, и я не собираюсь тратить их на то, что должно красиво выглядеть в кадре. Дело строится на расчёте, а не на обещаниях, и если ты хочешь быть здесь не только голосом, а партнёром, то тебе придётся принять и это.

— Партнёром, — повторил Барон медленно, пробуя слово на вкус, как пробуют незнакомое блюдо, которое по виду может оказаться и деликатесом, и ошибкой. — Слышь, а мне нравится.

Слово ему действительно понравилось. Оно было крупнее, чем «ведущий», и тяжелее, чем «блогер», в нём чувствовался вес печати, и он уже видел, как произносит его в эфире, чуть растягивая гласные: партнёр. Но Вьюга, будто угадав эти мысли, добавила с той же спокойной ясностью, что партнёр означает не только славу, но и обязанности, и что она сама займётся деньгами, помещением, меню и всем, что

касается управления, а от него потребуется то, что он умеет лучше всех: привлекать людей, рассказывать о деле и работать с гостями.

Распределение ролей заняло минут пять и прошло так, как проходят всякие разговоры, где четверо хотят одного, а пятый — другого. Барон с азартом взял на себя рекламу и общение с посетителями и тут же пообещал, что приведёт подписчиков в таком количестве, что очередь выстроится до самого тополя. Кум, тщательно подбирая слова, сказал, что готов работать руками: носить, резать, мыть, делать всё, что нужно, лишь бы никто не называл это «помощью Барону». Кондрат немедленно потребовал руководить кухней, поскольку, как он выразился, «кухня без руководства превращается в огород с огнём», и на этом месте Кум заметил, что огород у Кондрата, насколько ему известно, пока что состоит из трёх кустов картошки. Кондрат оскорбился. Комод же, дождавшись паузы, спросил самое важное:

— А кто будет пробовать?

Все повернулись к нему. Комод смотрел на них с той спокойной ясностью, которая бывает только у тех, кто не видит в вопросе ничего смешного, и стол, секунду помолчав, разразился хохотом. Решено было, что пробовать будет он, и никто не стал возражать.

Боцман, проходя мимо, остановился у их стола, окинул взглядом тарелки, кружки и довольные морды, одобрительно кивнул и спросил, всё ли в порядке. Ему ответили, что всё

прекрасно, и он двинулся дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.